

Многое здесь было красиво, многое — безнравственно, многое — bizarre, иное наводило ужас, а часто встречалось и такое, что вызывало невольное отвращение.

*Эдгар Аллан По.
Маска Красной Смерти*

Подопытные кролики

Предполагалось, что это будет убежище для писателей. Предполагалось, что там нам ничто не грозит. Уединенная писательская колония, где можно спокойно работать, под патронатом старого, умирающего человека по имени Уиттиер, но оказалось, что все не так.

Предполагалось, что мы будем писать стихи. Замечательные стихи.

Вся наша компания, его одаренные ученики.

На три месяца, под замком, вдали от повседневной рутины.

Мы называли друг друга Хваткий Сват. Или Недостоящее Звено.

Или вот: Мать-Природа. Глупые ярлыки. Имена на ассоциациях.

Точно так же — когда вы были маленькими — вы придумывали имена для растений и животных в окружающем мире. Пионы — липкие от нектара и кишасшие муравьями — вы называли «муравьиным цветком». Всех колли вы называли: Лесси.

Да и сейчас, точно так же, вы зовете кого-то «этот мужик без ноги».

Или: «ну знаете, та черномазая...»

Мы называли друг друга:

Граф Клеветник

Или Сестра Виджиланте*.

* *Виджиланте* — *Vigilante* — член «комитета бдительности», добровольной общественной организации, из тех, что создавались в Америке во второй половине XIX века, когда добропорядочные граждане объединялись для утверждения «закона и порядка». Такие комитеты брали на себя полномочия законной власти до ее установления в районах Фронттира. В более поздний период такие объединения действовали в по-

Имена, которые мы заслужили своими рассказами. Ко-
торые мы дали друг другу по жизни, не по родству:
Леди Бомж
Агент Краснобай
Имена, присужденные по грехам нашим, не по делам:
Святой Без-Кишок
И Герцог Вандальский.
По нашим промахам и преступлениям. Как у супер-
героев, только с точностью до наоборот.

Глупые имена для настоящих людей. Вроде распорол
тряпичную куклу, а внутри:
Настоящие потроха, настоящие легкие, живое
сердце и кровь. Много горячей и липкой крови.
Предполагалось еще, что мы будем писать рассказы.
Забавные коротенькие рассказы.
Вся наша компания, вдали от повседневной рути-
ны — на всю весну, лето, зиму, осень — на це-
лых три месяца, в том году.
Что мы за люди, для старого мистера Уиттиера это
не важно.
Но сразу он этого не сказал.
Для мистера Уиттиера мы были подопытными живот-
ными. Для его эксперимента.
Но мы об этом не знали.
Нет, это был просто писательский семинар — пока не
стало уже слишком поздно, пока у нас не оста-
лось другого пути, кроме как быть его жертвами.

селках скотоводов и старателей на Дальнем Западе, где часто
не было суда, тюрьмы и шерифа. В большинстве случаев раз-
бирательство дел в комитетах напоминало суд, и по их приго-
вору толпа избивала, порола кнутами или казнила осужденно-
го. Нередко толпа чинила самосуд над осужденным законным
судом, но скрывшимся от правосудия преступником. — *Здесь
и далее примеч. пер.*

1.

2.

3.

4.

5.

6.

Когда автобус подъезжает к месту, где должна ждать Товарищ Злыдня, она уже стоит на углу, в армейском бронежилете — темно-оливкового цвета, — мешковатых камуфляжных штанах, закатанных снизу, чтобы были видны пехотные ботинки. С каждого боку — по чемодану. В своем черном берете, натянутом до бровей, она может быть кем угодно.

— Вообще-то, по правилам... — говорит Святой Без-Кишок в микрофон у себя над рулем.

И Товарищ Злыдня говорит:

— Хорошо.

Наклоняется, отстегивает багажную бирку с одного из чемоданов. Товарищ Злыдня прячет багажную бирку в свой оливково-зеленый карман, берет второй чемодан и заходит в автобус. Оставив один чемодан на улице, брошенный, осиротевший и одинокий, Товарищ Злыдня садится на место и говорит:

— Ладно.

Она говорит:

— Ну, поехали.

Мы все оставляли записки, в то утро. Еще до рассвета. Спускались на цыпочках по темным лестницам, каждый со своим чемоданом, потом проходили крадучись по темным улицам в компании только мусорных машин. Мы уже не увидели, как встало солнце.

Рядом с Товарищем Злыдней сидит Граф Клеветник. Что-то пишет в маленьком блокноте. Его взгляд мечется между нею и ручкой.

Товарищ Злыдня заглядывает в блокнот и говорит:

— Глаза у меня *зеленые*, а не *карие*, и это мой естественный цвет волос, *золотисто-каштановый*. — Она наблюдает за тем, как он пишет *зеленые*, а потом говорит: — И еще у меня татуировка на заднице, маленькая красная роза. — Ее взгляд останавливается на серебристом диктофоне, что торчит у него из нагрудного кармана, на выпуклой сеточке микрофона, и она говорит: — Не пиши *крашенные*. Женщины не красят волосы, а *подкрашивают* или *подцвечивают*.

Рядом с ними сидит мистер Уиттиер. Его дрожащие, в старческих пятнах руки вцепились в хромированный каркас инвалидной коляски. Рядом с ним — миссис Кларк, со своим необъятным бюстом, который почти что лежит у нее на коленях.

Глядя на них, Товарищ Злыдня наклоняется к серому фланелевому рукаву Графа Клеветника. Она говорит:

— Чисто декоративные, надо думать. Безо всякой питательной ценности...

Это был день, когда мы пропустили наш последний рассвет.

На следующей темной улице, где на углу стоит-ждет Сестра Виджиланте, она приподнимает руку с массивными черными часами и говорит:

— Мы договаривались на 4:35. — Она стучит пальцем по циферблату. — А сейчас уже 4:39...

У Сестры Виджиланте с собой портфель из искусственной кожи, с ручкой-ремешком и защелкой на клапане, чтобы защитить Библию, что внутри. Специальная сумка, чтобы таскать с собой Слово Божье.

По всему городу мы ждали автобуса. На углах улиц или на автобусных остановках. Ждали, пока не подъедет Святой Без-Кишок. Мистер Уиттиер сидел впереди, вместе с миссис Кларк. Граф Клеветник. Товарищ Злыдня и Сестра Виджиланте.

Святой Без-Кишок тянет рычаг, дверь открывается, и на обочине стоит маленькая Мисс Апчхи. Рукава ее свитера оттопырены снизу из-за запиханных внутрь грязных салфеток. Она поднимает свой чемодан, и он громко трещит, как попкорн в микроволновке. С каждым ее шагом по лестнице чемодан громко трещит, как далекая пулеметная очередь, и Мисс Апчхи смотрит на нас и говорит:

— Мои таблетки. — Она встряхивает чемодан и говорит: — Запас на три месяца...

Вот почему нас ограничили с багажом. Чтобы мы все уместились.

Единственное условие: по одной сумке на человека, но мистер Уиттиер не уточнил, какого размера и вида она должна быть.

Леди Бомж заходит в автобус, у нее на руке перстень с бриллиантом размером с зернышко попкорна, а в руке — ремешок. Ремешок тянет кожаный чемодан на колесиках.

Взмахнув рукой, чтобы камень искрился, Леди Бомж говорит:

— Это мой покойный супруг, кремированный и превращенный в бриллиант в три карата...

На этом месте Товарищ Злыдня наклоняется над блокнотом, в котором пишет Граф Клеветник, и говорит:

— *Подтяжка лица*, через «ж».

Еще через пару кварталов, несколько светофоров и поворотов, ждет Повар Убийца с алюминиевым чемоданом, где внутри — все его белые эластичные трусы, футболки и носки, сложенные, на манер оригами, в компактные квадратики. Плюс набор поварских ножей. Под бельем и ножами его алюминиевый чемодан плотно набит пачками денег, перехваченными резинками, все купюры — стодолларовые. Все это весит немало, так что ему пришлось поднимать чемодан в автобус обеими руками.

По очередной улице, под мостом, обогнув дальнюю сторону парка, автобус подъехал к обочине, где никто вроде бы и не ждал. Человек, которого мы окрестили Недостоящим Звеном, выбрался из кустов рядом с дорогой. Скатанный в шар, у него в руках — черный мешок для мусора, рваный и как будто подтекающий клетчатыми фланелевыми рубашками.

Глядя на Недостоящее Звено, но обращаясь к Графу Клеветнику, Товарищ Злыдня говорит:

— Ну и *бородища*, прямо Хемингуэй...

Спящий мир: они бы решили, что мы придурки. Эти люди, которые сейчас спят у себя в постелях, они будут спать еще час, потом встанут, умоются, сполоснут у себя под мышками и между ног и пойдут на ту же работу, на которую ходят каждый божий день. Живя той же жизнью, каждый божий день.

Эти люди заплачут, когда узнают, что мы ушли, но они бы заплакали и в том случае, если бы мы селились на корабль, чтобы начать новую жизнь где-нибудь за океаном. Иммигранты. Пионеры.

В это утро мы были космонавтами. Исследователями. Уже на ногах, пока все остальные спят.

Эти люди поплачут, а потом вернутся к своим делам: обслуживать столики, красить дома, писать компьютерные программы.

На следующей остановке Святой Без-Кишок открыл двери, и вверх по ступенькам взлетел кошка и побежал по проходу между сиденьями. Вслед за котом в автобус вошла Директриса Отказ со словами:

— Его зовут Кора. — Кота звали Кора Рейнольдс. — Это не я его так назвала, — сказала Директриса Отказ, ее твидовый блейзер и юбка были покрыты, как инеем, кошачьей шерстью. Один лацкан оттопыривался на груди.

— Наплечная кобура, — говорит Товарищ Злыдня, наклонившись к диктофону в кармане у Графа Клеветника.

Все это — шепоты в темноте, оставленные записки, секретность, — это было наше приключение.

Если ты собираешься провести целых три месяца на необитаемом острове, что ты возьмешь с собой?

Скажем, едой и водой тебя обеспечат, то есть ты так считаешь.

Скажем, с собой можно взять только один чемодан, потому что вас будет много, а автобус на необитаемый остров, который вас всех повезет, все-таки не резиновый.

Что ты положишь в свой чемодан?

Святой Без-Кишок набрал коробок беконовых чипсов и сырных подушечек, его пальцы и подбородок присыпаны оранжевой соляной пылью. Одна костлявая рука держит руль, вторая подносит ко рту коробки — наклоняет их и вытряхивает закуски в его худое лицо.

Сестра Виджиланте взяла большой магазинный пакет с одеждой и еще с чем-то сверху, в другом пакете.

Перегнувшись через свой необъятный бюст, держа его, как ребенка в руках, миссис Кларк спросила, что там в пакете, уж не человеческая ли голова?

Сестра Виджиланте приоткрыла верхний пакет, чтобы были видны три дырки в черном шаре для боулинга.

— Мое хобби...

Товарищ Злыдня смотрит на Графа Клеветника, что-то строчащего у себя в блокноте, потом переводит взгляд на заплетенные в тугую косу черные волосы Сестры Виджиланте. Ни одна прядка не выбивается из-под заколок.

— Вот *это*, — говорит Товарищ Злыдня, — *подкрашенные волосы*.

На следующей остановке стоял Агент Краснобай, держал у глаза видеокамеру и снимал автобус, как тот подъезжает к обочине. Он захватил с собой целую пачку визиток и раздал их нам в качестве подтверждения, что он — частный детектив. Он снимал нас на камеру, которая была, как маска, закрывавшая пол-лица, сни-

мал, проходя по проходу к свободному месту сзади, ослепляя всех своей подсветкой.

Еще через квартал в автобус зашел Хваткий Сват, наследив лошадиным навозом со своих ковбойских сапог. С соломенной ковбойской шляпой в руках и матерчатой сумкой через плечо, он уселся на место, открыл окно и выплюнул сгусток коричневой от табака слюны прямо на вычищенный бок автобуса.

Вот что мы взяли с собой на три месяца вне мира. Агент Краснобай — свою видеокамеру. Сестра Виджиланте — шар для боулинга. Леди Бомж — перстень с бриллиантом. Вот что нам необходимо, чтобы писать свои произведения. Мисс Апчхи — ее таблетки и одноразовые носовые платки. Святому Без-Кишок — его закуски. Графу Клеветнику — блокнот и диктофон.

Повару Убийце — его ножи.

В тускло освещенном автобусе мы все украдкой поглядывали на мистера Уиттиера, организатора этого семинара. Нашего наставника. На сияющий купол его лысины в старческих пятнах, под несколькими седыми волосками, зачесанными на сторону. На стоячий воротничок его рубашки, который был как накрахмалено-белая изгородь вокруг его тощей пятнистой шеи.

— Эти люди, от которых вы собираетесь скрыться, сбежав украдкой из дома, — объяснит вам мистер Уиттиер, — они не хотят, чтобы вас просветили. Они хотят знать, чего ожидать.

Мистер Уиттиер вам все растолкует:

— Человек, которого они знают, и та великая, выдающаяся личность, какой вы стремитесь стать, — для них это несовместимо. То есть абсолютно.

Люди, которые любят нас по-настоящему, сказал мистер Уиттиер, они бы упрашивали нас поехать. Чтобы сбылась наша мечта. Чтобы мы отточили свое мастерство. И когда мы вернемся, нас будут любить.

Через три месяца.

Кусочек жизни — наша ставка в игре.

Мы рискуем.

За это время мы испытаем свою способность создать шедевр. Рассказ или стихотворение, или киносценарий, или мемуары, которые придадут смысл нашей жизни. Шедевр, который выкупит нам свободу — от мужа, родителей или фирмы. Освободит нас от рабства.

Вот мы едем в автобусе по пустынным улицам в темноте, Мисс Апчхи выуживает из рукава свитера влажную, скомканную салфетку и сморкается. Шмыгает носом и говорит:

— Когда я вот так украдкой сбегала из дома, мне было так страшно, что меня поймают. — Убирая салфетку обратно в манжету, она говорит: — Я себя чувствую... Анной Франк.

Товарищ Злыдня достает из кармана багажную бирку, напоминание о брошенном чемодане. О ее брошенной жизни. По-прежнему глядя на бирку, которую вертит в руках, Товарищ Злыдня говорит:

— А, по-моему... — Она говорит: — Анна Франк очень даже неплохо устроилась.

И Святой Без-Кишок, с полным ртом кукурузных чипсов, наблюдая за нами в зеркало заднего вида, жуя соль и жир, он говорит:

— То есть как?

Директриса Отказ гладит своего кота. Миссис Кларк гладит свой бюст. Мистер Уиттиер — свое инвалидное кресло.

Впереди, под фонарем на углу — темный силуэт еще одного будущего писателя. Ждет.

— Анне Франк хотя бы не пришлось, — говорит Товарищ Злыдня, — ездить со своей книгой по книжным турам...

И Святой Без-Кишок жмет на тормоз и подруливает к обочине.